

Морально-аморальная экономика

Vladimir Babashkin

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Moral/immoral economy

Наконец-то в нашей историографии и социальных науках появилась книга, которая так долго ожидалась «крестьяно-ведами». Авторы «Крестьянских жизненных практик»*, запасшись терпением, на протяжении двух десятилетий побуждали своих респондентов изрекать свои мысли в форме воспоминаний и размышлений. Они, кажется, сознательно ожидали, когда одни и те же сельские жители об одних и тех же вещах (колхозы, начальство, богатство, воровство, порядок) выскажут противоположные, даже взаимоисключающие суждения, и с грохотом сталкивали эти суждения – а вдруг получатся искорки понимания, знания. Но житель российской деревни – шире: высказывает противоположные суждения, как дышит. Одна из возможных формулировок пресловутой «загадки русской души», по-моему, выглядит так: делать одно, говорить другое, думать третье при полном и искреннем отсутствии ощущения противоречивости такой ситуации. Правда, это свойство сохраняется у человека до тех пор, пока он не слишком изуродован политической пропагандой или не стал адептом одной из «парадигм» общественно-исторической науки. Однако таких людей, претерпевших, по фразеологии авторов, «ценностное изменение самого человеческого существа» (с. 166), в нашей сельской местности пока что не большинство, и их рассказы в книгу, кажется, не вошли.

Чтобы получить представление о форме и содержании рецензируемой монографии, приведу большую выдержку, в которой мне и встретилось то замечательное прилагательное к заурядному слову «экономика», которое я вынес в заголовок

рецензии: «Хозяйственная жизнь колхоза начала 1990-х была основана на причудливой морально-аморальной экономике, на комбинации совести и бессовестности, на изобретательном, лихом воровстве и угрюмой бережливости и даже скряжничестве, когда речь заходит о мелких тратах на людские нужды – установку вентиляторов, обогревателей и т.п. А в итоге – на тотальном двоедушии, на социально-экономическом оборотничестве. Поэтому мы убеждены, что крестьяне – и неудобный, неуклюжий, и в то же время какой-то непонятный, можно сказать, посторонний класс. Он систематически в стороне, “в сторонке”, на обочине магистральных (или объявленных таковыми) социальных процессов. И там ему, судя по всему, удобно и комфортно. Он чужой. Чужой всему: рациональности, демократии, рынку, писаной законности, правилам среднестатистической цивилизованности. Он – хитроватый наблюдатель всего этого внешнего ему мира. И это особое место он хорошо знает и бережёт, уводя от него сторонних наблюдателей, как птица уводит от гнезда озорников. Вот лукавейшие крестьянские рассуждения, записанные нами на Севере России: – Крестьянский народ – бестолковый! Приживётся, так и в аду живёт. Не ищет хорошей жизни. Вот говорят: “Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше...” Это – пустая поговорка. Человек живёт, где родился!» (с. 52).

Приведённый отрывок даёт возможность оценить язык, которым написана книга, глубину и точность сделанного обобщения, отношение авторов к форме и содержанию рассуждений респондентов. Книга содержит ещё целый ряд, буквально

* *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2013. 168 с.

россыпь таких обобщений и умозаключений, любое из которых вполне оправдало бы издание полноценного научного труда. Хочется верить, что такие монографии – дело близкого будущего, когда используемый в «Крестьянских практиках» методологический подход прочнее укоренится в наших социально-исторических исследованиях. Собственно говоря, изобилие свежих мыслей, о котором речь, явилось результатом как раз того, что авторы в течение двух десятилетий оттачивали в своём исследовании этот очень нетривиальный методологический подход, который сами они именуют «двойной рефлексивностью».

Невозможно не порадоваться, видя этот метод в действии. Сходные эмоции я испытывал, когда в 1992 г. читал «Моральную экономику» Дж. Скотта¹, готовясь к самому первому заседанию теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития»: это был целый конгломерат открытий, разбиравших и уходящие вульгарно-марксистские стереотипы исторического мышления, и – в ещё большей степени – рыночно-либеральные стереотипы. А последние, надо отметить, тогда буквально рвались занять святое место государственной идеологии и на какое-то время им это практически удалось. Размышляя над этим на самом семинаре, А.В. Гордон говорил: «Секрет научного долголетия этой работы в том, что, по-моему, Дж. Скотту удалось соединить несоединимое. До него в крестьяноведении выделялось четыре основных подхода... Дж. Скотту, кажется, удалось нечто большее: он создал общую теорию, сумев в ней в какой-то степени соединить все эти подходы»².

У авторов «Крестьянских практик» несоединимое соединяется уже в самом исследовательском методе. Это сложное сочетание взглядов на проблему с макро- и микроуровней³. «Наблюдения сверху», оперирование экономической и социальной статистикой по регионам позволяют констатировать разнообразие тенденций в аграрном производстве и жизни сельского населения, например, различие тех реальных условий, в которых сегодня оказываются крестьяне севера и средней полосы. Но сведение такой общей информации к ещё более широким обобщениям – по

стране в целом – не может не сопровождаться известным отрывом от реальности, от земли. Что и происходило с нашей общественной наукой во все времена. Авторы предлагают разрешение этого противоречия путём параллельного накопления и систематизации информации «снизу», позволяющей нащупать нечто общее и очень важное, несмотря на региональные различия. «Такого рода методологический подход, – пишут они, – даёт великолепную возможность уловить и понять систему микроизменений, а также их процесс, их темп, их детали, степень их возможной стремительности и необратимости и, равным образом, их временные “откаты”, их торможения и холостые ходы, – то есть всё то, что “сверху” незаметно и поэтому якобы неважно» (с. 42).

Меня не перестаёт волновать вопрос: многочисленные поколения реформаторов полагали и полагают, что всё это неважно из-за того, что в противном случае пострадают чистота и стройность их теорий? Или же наоборот: они лишь делали вид, что стройность и логичность теории обеспечивает эффективность реформ на практике, заведомо зная, что жизнь преобразует их намерения и посулы до неузнаваемости, но желая извлечь сиюминутную корыстную выгоду? «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Но добросовестно ли мы всё время забываем про овраги в погоне за гладкостью бумажной версии нашей истории? Памятуя о том, как в своё время сформулировал ту же мысль В.С. Черномырдин, можно и пожёстче поставить этот вопрос: действительно ли хотим, как лучше, или лишь делаем вид, заведомо зная, что получится как всегда?

С такой меркой можно подойти к крестьянской реформе 1861 г. Тогда станет лучше видно, что, может быть, и не стоило *так* освобождать крестьян, запрограммировав тем самым революционные события XX в.⁴ Подобный же взгляд возможен и на Столыпинскую аграрную реформу. В советской историографии её провал объяснялся половинчатостью и пропомещичьим характером. За последние четверть века создана целая историография, которую знающие люди иронически именуют «столыпинианой»⁵. Согласно ей, реформа, напротив, блестяще продемонстрировала

преимущества частной собственности на землю.

Анализируя впечатляющую статистику «аграрных беспорядков», которые развернулись в связи с осуществлением столыпинского земельного законодательства, П.Н. Зырянов образно писал, что эта статистика «показывает нам лишь видимую, измеряемую часть тех рифов, на которые напоролся столыпинский корабль. Рифы не казались высокими и прочными. Столыпин же и его окружение были решительными, но малоискусными лодчанами. Они плохо представляли себе то, что было скрыто под поверхностью народной жизни. И им не удалось “протаранить” толщу крестьянства, чтобы окончательно навязать стране путь развития, выгодный горстке помещиков, но обрекающий основную часть народа на долгие годы нищеты и голодовок»⁶.

Параллель между теми событиями и аграрным реформированием 1990-х гг. просматривается очень отчётливо. Об этом ещё в июне 1992 г. в ходе дискуссии по книге Т. Шанина «Определяя крестьянство» прямо говорил Зырянов: «Что касается в целом современной ситуации в деревне, то аграрная реформа, которая сейчас вырисовывается, представляется мне какой-то скверной пародией на столыпинскую реформу, и поэтому столь нервно воспринимается всякая критика Столыпина и его аграрных преобразований. Мы никуда не денем тех людей, что живут сегодня в деревне, и фермеров из Америки себе не выпишем. Поэтому, на мой взгляд, нашим реформаторам надо обратить самое пристальное внимание на приусадебное хозяйство, производительность в котором всегда была на порядок выше, чем в колхозно-совхозном производстве»⁷. На том же заседании теоретического семинара Ю.Г. Александров высказал мысль, созвучную главной теме «Крестьянских жизненных практик»: «Как бы ни была привержена часть нашего аграрного населения колхозам и совхозам, сколько бы ни утверждали консервативные политики, что колхозы и совхозы накормят страну, эти структуры обречены на какое-то перерождение. Но если иметь в виду, что значительная часть нашего аграрного населения десятилетиями привыкла использовать для личных нужд ресур-

сы колхозов и совхозов нелегально и даже криминально, то, наверное, заслуживает серьёзной проработки идея о том, что современная реформа должна переместить акцент на подсобное крестьянское хозяйство с тем, чтобы бывший колхоз в условиях рыночного хозяйства превратился в систему снабжения и обслуживания, но осуществляемого легально»⁸.

Логично и вызывающе. Вызов состоял в том, что крестьянское воровство в крупном хозяйстве, хоть оно и составляло важнейший фактор аграрной эволюции повсеместно и во все времена, никогда не признавалось и категорически осуждалось в официальном законодательстве, будь оно, законодательство (да и воровство тоже), капиталистическим или социалистическим. Концепция «моральной экономики крестьянства» стремится покончить с этой страусиной политикой, она за тем и создавалась, чтобы не столько гладко выглядеть на бумаге, сколько «не забывать про овраги». За этим же участники авторского коллектива «Крестьянских практик» приступали тогда, в начале 1990-х, к исследованию «оврагов» и других особенностей рельефа местности.

В этой связи у меня есть претензия к аннотации, сопровождающей «Крестьянские практики». Издание адресуется и социальным антропологам, и экономическим географам, но не историкам. Между тем она явно будет им полезна, причём не только историкам аграрных отношений, но и вообще историкам России. Ведь разговоры о необходимости междисциплинарных подходов, большего внимания, к примеру, к социально-психологическим аспектам исторических проблем звучат часто, но редко претворяются в жизнь. Думается, публикация «Крестьянских практик» – важный шаг в направлении такого междисциплинарного синтеза. Авторам книги – небольшой по объёму и очень удобочитаемой – на основании предшествующей многолетней работы с огромным массивом колхозных повествований удалось сформулировать очень важные выводы. Похожее чудо сотворил в 1966 г. Эрик Вульф, сумевший уместить в книжку объёмом в 127 страниц всю историософию крестьяноведения⁹.

Авторы рецензируемой книги, характеризуя неизменное фиаско многочис-

ленных попыток власти сделать крестьян «другими», пишут: «Так, отмена крепостного права в России в 1861 году Манифестом, подписанным Александром II, привела к обнищанию и разорению крестьян, появлению “сельских пролетариев”, бывших крестьян, выживающих за счёт случайных заработков. Принятие решения о коллективизации в СССР единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства на XV съезде ВКП(б) в 1927 году привело к голоду 1932–1933 годов в основном среди сельского населения и смерти от него свыше 5 миллионов крестьян. Приватизация 90-х годов прошлого столетия колхозно-совхозной собственности привела к резкой “поляризации” сельского населения России. Бывшие руководители колхозов и совхозов стали “хозяевами” агрохолдингов и акционерных обществ со своим бюрократическим аппаратом, сосредоточив в своих руках практически все ресурсы (земельные, производственные, финансовые). Основная масса сельского населения – безработные, выживающие за счёт каторжного труда в своих домохозяйствах и имеющие в собственности “виртуальные” земельные паи» (с. 165–166). Это широкое обобщение очень напоминает то, что писал В.П. Данилов в своей знаменитой статье о судьбах сельского хозяйства в России¹⁰. Но это лишь внешнее сходство. У Данилова присутствовало представление об упущенных исторических возможностях. И реформы, разработанные Н.Х. Бунге, имели все шансы на успешную реализацию, и кооперативная коллективизация по А.В. Чайнову и Н.И. Бухарину была вполне научно обоснованной перспективой в ретроспективе. И, наконец, в преддверие срыва в политику бездумного уничтожения колхозов во славу «невидимой руки рынка» предпринимались попытки довести до сознания политического руководства глубоко обоснованные экспертные оценки того, как должна осуществляться аграрная реформа в стране¹¹. В «Крестьянских практиках» больше детерминизма: происходит то, что происходит, и в адекватном объяснении нуждается не столько *почему*, сколько *что*.

Те, кто во главу угла ставит «почему», как бы заведомо знают ответ на «что». В советской историографии коллективизация – это прорыв в новый технологи-

ческий уклад в аграрном производстве – «неотехнический экотип», по Э. Вульфу¹². В этом случае, «почему» понятно: прогресс – объективная закономерность общественного развития. В постсоветской историографии колхозы – «трагедия российской деревни», причина – «сталинизм». Авторы «Крестьянских практик» категорически не устраивают оба эти взгляда. У них свой ответ на вопрос, *что*: в основе происходящего лежат диалектика взаимоотношений колхоза и двора, общественного и личного хозяйства. И это обязывает их именно к тому, что они и делают: через анализ крестьянских откровений понять характер и основные этапы эволюции этой взаимосвязи. С этой точки зрения им удаётся увидеть, что на первых порах этого сосуществования колхоз по существу являлся филиалом двора (разумеется, не с формально-правовой, но с обычно-правовой точки зрения); в позднеколхозный период (1970 – середина 1980-х гг.) они в этом отношении меняются местами. А на рубеже 1980–1990-х гг. начинается обвальное разрушение взаимных моральных обязательств между двумя сторонами, двумя участниками этого диалектического единства, «двор и колхоз превратились во взаимные филиалы, взаимные “фильтры”, взаимные “угодья”»; между которыми происходила ежедневная борьба и сотрудничество. И это странное состояние, похожее на бег по кругу или даже взаимное преследование оказалось, как нам представляется, определяющим для будущих судеб аграрной России» (с. 46).

Эта агония полуштырелетнего симбиоза (если признать, что у крестьян в начале 1930-х гг. были все основания расшифровывать ВКП(б) как «второе крепостное право») расшифровывается её исследователями двояким образом. Колхозники проникались к колхозу презрением за нелепую комбинацию полукнута-полупряника (с. 47–48). Но это презрение очень органично сочеталось с презрением к самим себе за то, что позволили раздербанить колхоз и сами не удержались от того, чтобы поучаствовать.

Вместе с тем авторы уверены в возрождении в тех или иных формах сельского двора в новой общественной реальности: «Какой бы ни была государственная

экономико-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в обществе особое место – одновременно связанное с центральным «силовым агрегатом» (политическим, экономическим, ресурсным) и, по возможности, отключённое, независимое, в меру далёкое от него» (с. 51).

Под самый занавес этой рецензии не удержусь всё же если не от ложки дёгтя, то буквально от капельки критиканства. Не люблю я трескучее слово «нарратив». Возможно, если бы кто-то из многочисленных собеседников авторов только заподозрил, что он не рассказывает, не повествует, не беседует, а «нарративит», это спугнуло бы то откровение, ради которого всё и делалось. А может быть, я и не прав. В конце концов, и у авторов, и у их респондентов, и у поколений и поколений предков тех и других стоит на вооружении замечательная поговорка: «Хоть горшком называй – только в печку не ставь». Кстати, за особо бережное отношение к народной поговорке, в отличие от «сухой дефиниции» – отдельное большое спасибо участникам авторского коллектива «Крестьянских жизненных практик».

Примечания

¹ Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant*. New Haven, 1976.

² См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 18–19.

³ Подробнее см.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности и исследования современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.

⁴ См.: Бабашкин В.В. Год 1861-й как провозвестник крестьянской революции начала XX в. // Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия. М., 2011. С. 135–142; Рязанов В.Т. Реформа 1861 г. в России: причины и исторические уроки // Там же. С. 20–44.

⁵ См., например: Кондрашин В.В., Слепнёв И.Н. К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207.

⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 155.

⁷ Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 2. С. 21.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Wolf E.R. *Peasants*. Englewood Cliffs, 1966.

¹⁰ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 10–29.

¹¹ См.: Данилов В.П. Из истории «перестройки» (Переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Новый мир русской истории: Сборник статей. М., 2001. С. 420–428.

¹² См.: Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 6. С. 86–89.

Геннадий Бордюгов

Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения*

Gennadiy Bordiugov

(Moscow State Linguistic University, Russia)

Outside agrarian history, beyond the peasant studies

Модная в конце прошлого века тема кризиса исторического познания в начале века текущего трансформировалась в вопрос о дееспособности российского исторического сообщества, в формате кото-

рого кризис представляется несомненным достижением, как запись в анамнезе по сравнению со строкой некролога. Между тем «кризис исторического мышления людей вообще» (Э. Трельч) оказался ско-

* Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов «круглых столов» и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.